

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственные редакторы
А. М. Грачева и А. д'Амелия

Санкт-Петербург – Салерно 2003

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI SALERNO
DIPARTIMENTO DI STUDI LINGUISTICI E LETTERARI

ALEKSEJ REMIZOV
STUDI E MATERIALI INEDITI

a cura di
A. M. Gračeva e A. d'Amelia

Pietroburgo – Salerno 2003

COLLANA DI EUROPA ORIENTALIS

A CURA DI
MARIO CAPALDO E ANTONELLA D'AMELIA

Questo volume è stato pubblicato
con un contributo dell'Università di Salerno

Copyright © 2003 by Europa Orientalis - Puskinskij Dom
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari – Università di Salerno
Finito di stampare presso Poligrafica Ruggiero, Avellino (marzo 2003)

СТРАШНАЯ МЕСТЬ : ИЗ КОММЕНТАРИЯ
К ПОВЕСТИ А. РЕМИЗОВА “КРЕСТОВЫЕ СЕСТРЫ”

И. Ф. Данилова

Собаку маракулинского домовладельца – бывшего губернатора-самострелителя Буркова, ту самую, которая съела нос конторщика Станислава, откушенный спьяну паспортистом Еркиным в повести Ремизова “Крестовые сестры”, как известно, зовут по-гоголевски – Ревизор. Однако настоящая работа посвящена отнюдь не влиянию на это ремизовское произведение знаменитой повести Гоголя. Речь пойдет о совсем другой “страшной мести”. Хотя, конечно же, прием, использованный Ремизовым, безусловно, восходит к традиции русской классической литературы XIX века, в том числе и к гоголевской.

Писатели первой половины позапрошлого столетия нередко черпали материал для своих произведений из устного предания, обращались за сюжетами к историческому и бытовому анекдоту. По мере развития русской прессы и усложнения ее жанрового состава, рассказы о таких “случаях из жизни” постепенно перекочевали из салонов, кабинетов, присутственных мест, полицейских участков и с городских улиц на страницы периодических изданий в колонки хроники текущих событий. Литература сразу же отреагировала на это, превратив газетные разделы происшествий в неиссякаемый источник сюжетов и фактов, позволяющих делать разнообразнейшие социо-культурные обобщения. Уже Достоевский заимствовал темы будущих произведений именно из газет, о чем открыто говорил в своих романах. В “Крестовых сестрах” Ремизов наследует этой традиции. Однако обильно цитируемые газетные сообщения выполняют здесь несколько иную функцию. Лишь некоторые из них развиваются в самостоятельные сюжетные линии, большинство же образует “цитатные блоки”, где каждая конкретная “история” включается в общий ряд событий, из которых складывается калейдоскопически разнообразная картина жизни,

вследствие чего у читателя должна возникнуть иллюзия насыщенного действием, динамичного повествования. На газетное происхождение многих эпизодов ремизовской повести обратили внимание еще первые рецензенты. Однако до сих пор исследователи в основном ограничивались отсылками к этим наблюдениям своих предшественников, не обращая непосредственно к цитируемым источникам. Пришло время хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

“Крестовые сестры” были написаны под впечатлением обвинения Ремизова в плагиате, прозвучавшего на страницах газеты “Биржевые ведомости” 16 июня 1909 года в подписанной псевдонимом Мих. Миров статье “Писатель или списыватель?” (№ 11160, с. 5-6). Работа над повестью стала своего рода психотерапевтическим актом, позволившим Ремизову компенсировать тяжелое депрессивное состояние как следствие этого обвинения. Надо отметить чрезвычайную остроту ремизовской реакции. Даже несмотря на то, что он не был одинок в сложившейся ситуации: в тот же период нападкам подверглись и некоторые другие писатели,¹ а за самого Ремизова дружно вступили коллеги по литературному цеху.² Бо-

¹ Вслед за Ремизовым, “вина” которого заключалась в том, что его пересказы народных сказок “Мышонок” и “Небо пало” появились в печати без соответствующих указаний, в августе 1909 года в плагиате был уличен К. Д. Бальмонт. К. Чуковский обнаружил в его статье незакавыченные цитаты из книги Дж. Симондса об Уитмене. Тогда же в Москве разразился скандал в связи с обвинением Эллиса в порче книг из собрания Румянцевского музея, продолжавшийся в течение всей осени. Наконец, в начале 1910 г. к числу “плагиаторов” был отнесен и Ф. Сологуб. Очевидец и непосредственный участник тогдашних событий Андрей Белый в своих позднейших мемуарах интерпретирует цепь инцидентов с писателями как широкомасштабную газетную кампанию против символистов и символизма в целом (см.: Белый А. Между двух революций. Москва 1990, с. 313, 328-333; 531, 535-538).

² Через несколько дней после появления “изобличающей” писателя статьи в “Биржевых ведомостях” М. М. Пришвин, собственноручно записавший в этнографической экспедиции один из текстов, ремизовский пересказ которого был объявлен плагиатом, опубликовал письмо в редакцию петербургской газеты “Слово”, где от лица ученых и собирателей фольклора решительно опроверг обвинения в его адрес (Пришвин М. Плагиатор ли А. Ремизов? (Письмо в редакцию) // Слово 1909. 21 июня (4 июля). № 833, с. 5). Вскоре статью в защиту Ремизова написал и М. А. Волошин (Волошин М. О плагиате. [1909] // ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 385), однако она так и не увидела свет. Об этом, в частности, речь идет в его письме к “виновнику” скандала от 4 апреля 1910 года (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 18. л. 11). Кроме того, многие другие литераторы из числа знакомых писателя, а

лее того, подобные конфликты с рецензентами были спровоцированы очевидной насыщенностью сочинений модернистов незакавыченными цитатами и отражали традиционную для литературного процесса реакцию газетной критики, репрезентирующей прежде всего массовое читательское сознание и эстетические вкусы уходящих с исторической сцены направлений, на новое литературное явление, особенность которого состоит, среди прочего, именно в цитатности. Причем ремизовская художественная стратегия отличалась в этом смысле исключительным радикализмом: помимо обычных цитатных отсылок, создания произведений путем контаминации нескольких источников (как правило, разных редакций конкретной легенды или сказки и сопутствующего научного комментария), он зачастую использовал в качестве своеобразных “гиперцитат” целые фольклорные тексты и даже специальные научные сборники, позволяя себе не только цитировать непосредственно их содержание, но и имитировать характерные для этого жанра структурные элементы (таблицы, указатели, примечания и проч.). Поэтому Ремизов заведомо не мог не стать объектом для нападок. И все же на протяжении многих лет он продолжал вспоминать об этом инциденте с нескрываемой горечью, а впоследствии превратил его в одну из ключевых мифологем мемуарного повествования о своей литературной карьере, в книгах “Кукха” и “Встречи”.³

Скорее всего, секрет столь острой и продолжительной реакции кроется в на разные лады повторяемом автором обличающей Ремизова статье Мих. Миловым слове “экспроприатор”. Если у современного, по крайней мере русского, читателя оно ассоциируется прежде всего с большевистским лозунгом “экспроприация экспроприаторов” и соответствующим ему историческим контекстом, то в 1909 году это слово было расхожим термином именно *уголовных* газетных хроник, причем “Биржевые ведомости” пользовались им особенно часто. И употреблялось оно в совершенно определенном значении: экспроприаторами назывались не просто воры, а собственно грабители, сопровождающие изъятие материальных ценностей физическим насилием. А так как общество было сословным, и понятие о сословной чести, несмотря на наметившуюся социальную диффузию, продолжало оставаться актуальным, подобное оскорбление воспринималось как весьма существенное. Не случайно, излагая впоследствии свою версию тогдашних событий и, кстати, в отличие от

также редакторы дружественных ему изданий высказали свою готовность в случае необходимости принять посильное участие в этом инциденте.

³ См.: Ремизов А. Кукха. Розановы письма. Берлин 1923, с. 81-83; Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Paris 1981, с. 21-30.

“Крестовых сестер”, не употребляя более слова “экспроприатор”, что само по себе является значимым умолчанием, писатель дистанцируется и от предложения Хлебникова стреляться за него на дуэли (это дворянский способ поведения), и от намерения Котылева “в театре публично набить морду” “мерзавцу” (это простонародный способ разрешения конфликта, взятый на вооружение самой скандальной прессой), – Ремизов рассказывает случай с посещением Московской биржи, где гильдия выносит ему оправдательный вердикт, и тем самым акцентирует собственное социальное происхождение и приверженность сословной традиции купеческого “честного слова”.⁴

Кроме того, естественно, Ремизов отвечает на обвинения и как профессиональный литератор. В газете “Русские ведомости” (1909. 6 сент. № 205, с. 5), а затем и в журнале “Золотое руно” (1909. № 7-8-9, с. 145-148) он публикует “Письмо в редакцию” – пожалуй, единственное за весь до-революционный период программное выступление, в котором излагает свое писательское кредо и указывает на используемые в работе художественные приемы.⁵ Но... отнюдь не только этим “Письмом...”. Поистине “страшной мезью” обидчикам становится ремизовская повесть “Крестовые сестры”.

Причем не потому лишь, что маракулинская “история с талонными книжками” является литературной трансформацией эпизода с обвинением

⁴ См. об этом: Ремизов А. Встречи, с. 23-24, 26-28; а также: Данилевский А. А. *A realioribus ad realia // Литература и история. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение.* Тарту 1987, с. 110, 121-122.

⁵ В этом своеобразном манифесте нашли отражение не только фольклористические взгляды Ремизова, а также его представления о характере взаимодействия литературы и фольклора, созвучные, как выяснилось, и собирателю-любителю, писателю М. М. Пришвину, и не ангажированным наблюдателям современных литературных баталий, ученым Н. Е. Ончукову и акад. А. А. Шахматову. Ремизовские рассуждения о мифотворчестве близки здесь кругу идей Вяч. Иванова, высоко оценившего “Письмо в редакцию” в дневниковой записи от 7 сент. 1909 г. (см.: Иванов В. Собр. соч. Брюссель 1974. Т. II., с. 803; см. также: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. Москва 1996, с. 95, 113-114). А размышления о коллективном характере современного творчества восходят к беседам с М. А. Волошиным, который упоминает об этих разговорах в письме, относящемся к лету 1908 года (см.: ГЛМ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 14). В частности, Ремизов неточно цитирует в своей статье следующий пассаж из его более позднего письма от 19 января 1909 года: “Иуда мне представляется темой, равной Каину и Фаусту. И хочется, чтобы каждый нашел своего Иуду. Как каждый должен написать своего Прометея, своего Фауста” (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 18. л. 10).

Ремизова в плагиате, а сам главный герой повести наделен очевидными автобиографическими чертами. К тому же по всему тексту разбросаны отсылки к реальной ситуации. Например, почти дословно цитируется отправленное Ремизову через день после появления статьи Мих. Мирова письмо редактора журнала “Сатирикон” Аркадия Тимофеевича Аверченко с сообщением о приостановке сотрудничества “до выяснения этого недоразумения в печати”.⁶ В “Крестовых сестрах” те же слова производит персонаж по фамилии Аверьянов.⁷ Или другой пример из области “занимательной ономастики”: маракулинского антагониста Глотова зовут Александр Иванович. А. А. Данилевский усматривает здесь намек на главного ремизовского обидчика – критика и редактора литературного отдела “Биржевых ведомостей” Александра Алексеевича Измайлова,⁸ который, если и не был автором обвинительной статьи, на чем Ремизов настаивает в книгах “Кукха” и “Встречи”,⁹ то в любом случае принял решение о ее публикации. Однако не исключено, что писатель делает более сложный ход: собственно Александром Ивановичем является другой журналист-газетчик и уголовный хроникер, приятель Ремизова Котылев, который во время скандала с обвинением в плагиате, напротив, находится в лагере его горячих защитников и, как мы помним, предлагает разрешить ситуацию при помощи публичного мордобоя (кстати, во “Встречах” с этим предложением он появляется в Казачьем переулке у Ремизовых, сопровождаемый совершенно “рогожинской” компанией, а весь эпизод служит отсылкой к соответствующим местам в “Идиоте” Достоевского).¹⁰ Вводя в текст имя и отчество Котылева, Ремизов подразумевает не столько реального прототипа, сколько саму моральную атмосферу этого литературного скандала, ибо расценивает последний как характерное про-

⁶ РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 38. л. 1.

⁷ Как известно, ремизовский герой, даже если в его уста вкладываются слова реального человека, одновременно сориентирован еще и либо на тексты традиционной культуры, либо на произведения классики XIX века. Поэтому нельзя не отметить, что фамилия Аверьянов упоминается в связи с фальшивым векселем в романе Достоевского “Подросток” (часть 2, глава 2, главка III). Кстати, здесь же муссируется и тема газет, а некоторые герои, в том числе Аркадий Макарович Долгорукий и Катерина Николаевна Ахмакова являются их активными читателями, причем чрезвычайно интересуются “фактами”, цифрами и уголовными делами, дающими им пищу для размышлений над судьбами России. Добавлю также, что и сам Маракулин в известном смысле может быть назван подростком.

⁸ Данилевский А. А. *A realioribus ad realia*, с. 103.

⁹ См.: Ремизов А. *Кукха*, с. 81; Ремизов А. *Встречи*, с. 21.

¹⁰ Ремизов А. *Встречи*, с. 24.

явление феномена “бульварной” прессы. Таким образом, ремизовский сарказм направлен не только на Измайлова, но и на газету “Биржевые ведомости”. Знаменательно, что о мести заговорили уже первые читатели повести. Так, находившийся в этот момент в петербургской тюрьме “Кресты” приятель Ремизова по вологодской ссылке Павел Елисеевич Щеголев в письме от 25 сентября 1910 г. приветствовал выход из печати “Крестовых сестер” и отмечал: “Вижу, что Вы удовлетворили благородному чувству мщения, выставив начальницу. Вещь капитальная!”¹¹ Щеголев подразумевал рассказ о том, как соседка Маракулина Анна Степановна Шиянова служила в частной “образцовой” гимназии Ледневой, справедливо усматривая в нем описание злоключений Серафимы Павловны, которая одно время работала в Рождественском коммерческом училище Марии Алексеевны Минцловой, супруги Сергея Рудольфовича и, соответственно, невестки Анны Рудольфовны Минцловых.¹²

Однако, помимо подобного рода автобиографических историй, скрупулезного описания ремизовского приватного топоса, а также многочисленных отсылок к “петербургскому мифу” в русской литературе, прежде всего к соответствующим текстам Пушкина, Гоголя и Достоевского, в повести присутствует мощный пласт анекдотов, которые восходят к текущей газетной хронике, в первую очередь к хроникальным разделам вечерних выпусков “Биржевых ведомостей”. Эти анекдоты выполняют в тексте двойную функцию. С одной стороны, с их помощью Ремизову удается решить одну из ключевых творческих задач этого произведения – создать собственную версию “физиологии Петербурга”. Не случайно, формула “Бурков дом – весь Петербург” является лейтмотивом “Крестовых сестер” (напомню, что “Весь Петербург” – так называется знаменитая адресная книга, издававшаяся А. С. Сувориным на протяжении многих лет). А еще одним рефреном повести звучит лапидарная характеристика жизни на Бурковом дворе: “Свадьбы, покойники, случаи, происшествия, скандалы, драки, мордобой, к а р а у л и участок [...] – так всякий день”.¹³ Как нетрудно заметить, именно этим почти полностью и

¹¹ РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 243. Л. 7, об.

¹² Последняя находилась в весьма непростых отношениях с родственниками и при этом одно время достаточно тесно общалась с Ремизовыми, прежде всего с Серафимой Павловной, которую пыталась вовлечь в круг антропософских интересов, что вызывало настороженность у писателя. Возможно, эта сложная коллизия человеческих взаимоотношений оказала влияние на оценку личности М. А. Минцловой и в быту, и в повести, и в последующих ремизовских мемуарах.

¹³ Цит. по: Ремизов Ал. Крестовые сестры. Повесть // Литературно-художественный альманах издательства “Шиповник”. СПб. 1910. Кн. 13, с. 182, 269.

исчерпывается обычное содержание газетных хроник. Поэтому, насыщая свой текст историями, имеющими газетное происхождение, Ремизов достигает еще одной цели – его повесть, помимо прочего, превращается и в памфлет, направленный против газеты как социального явления и как жанра, а также против той картины мира, которая агрессивно навязывается обывателю прессой. Так совершается ремизовская “страшная месть”. Ведь именно его поколение, ставшее свидетелем начала новой технической революции, в том числе и в сфере средств массовой коммуникации (к примеру, введения в широкое бытовое употребление телефона и телеграфа), впервые почувствовало и попыталось осмыслить угрозу, исходящую из этого вновь формирующегося, как бы мы сейчас сказали, информационного пространства. Ремизов всегда с большим вниманием относился к тем жанрам словесности, которые находятся за условными границами собственно литературы, и нередко использовал подобный материал как элемент монтажа в своих произведениях, тем самым расширяя их жанровый диапазон. И газета для него была не только неиссякаемым источником разнообразных бытовых случаев, но еще и образцом такого пространства, в рамках которого можно выстроить абсурдную картину мира, так как на плоскости газетного листа, даже несмотря на попытку классификации по рубрикам, соположены разномасштабные по своей сути события, а единственным поводом для объединения служит их приуроченность к конкретной дате.¹⁴ Кстати, именно к этой композиционной особенности современной прессы Д. В. Философов возводит поэтику ремизовских снов.¹⁵

¹⁴ В самой газете, претендующей на репрезентацию подлинной реальности, момент отбора фактов для публикации тщательно затушевывается, а роль интерпретатора берут на себя либо редакционная статья, либо авторская публикация, в которой выражен частный взгляд на предмет. Ощущение абсурда возникает именно при переносе газетной информации в художественный текст, заведомо обладающий свойством “оценивать” любое включенное в него сообщение с точки зрения целого. Таким образом, интерпретаторский пафос литературы позволяет выявить случайность событий и алогичность повседневной жизни.

¹⁵ В отклике на книгу Ремизова “Рассказы” (1910), в которой, по словам Философова, его больше всего поразили сны, критик пишет: “Есть своя логика в сонной чепухе. Чепуха, главным образом, в нелепой последовательности, в извращенной причинности. [...] Но что же скрывать? Мы все видим такие сны... даже наяву. Возьмите хороший, иллюстрированный журнал, который добросовестно регистрирует все, что происходит на земном шаре. Что вы увидите? Похороны убитого японского маркиза Ито. [...] Рядом – портреты Кука и Пири, снимок с полюса, которому никто не верит. Какое-то мошенничество около полюса. Перевортываете страницу: пять трупов. Обитатели мирной французской фермы,

Надо отметить, что Ремизов был услышан своими оппонентами. И их реакция свидетельствует о том, что он достиг намеченной цели. Если дружественные писателю критики вовсе обошли эту тему молчанием, сосредоточив свое внимание на философской проблематике “Крестовых сестер”; Владимир Кранихфельд лишь указал на “вкрапленные в повесть и внутренне с ней совершенно не связанные намеки на разные текущие события и даже газетные сплетни”,¹⁶ предположив, что этот прием позаимствован Ремизовым у Сологуба; рецензент “Нового времени” А. Бурнакин перечислил опознанные им в тексте истории газетного происхождения, а именно: рассказ об инспекторе народных училищ (кстати, снятый Ремизовым в более поздних редакциях повести, возможно, потому, что критики упорно возводили его к сологубовскому “Мелкому бесу”), анекдоты о самоупраждении губернатора, о выигрышном билете, о бабе, запертой на чердаке, о босяках, которые едят за рубль целую крысу, и об обманутой няньке-девчонке;¹⁷ то главному ремизовскому изобличителю А. А. Измайлову повесть определенно не понравилась. Он счел обилие мелких деталей, почерпнутых из полицейских отчетов, за существенный недостаток (“целого нет”), приписав пародируемую здесь Ремизовым эклектичность газетной картины мира самому автору.¹⁸

Оставим, наконец, в стороне тему “страшной мести” и перейдем к конкретным примерам. Следует подчеркнуть, что именно вечерние выпуски “Биржевых ведомостей” являются особенно богатным материалом для ремизовской повести,¹⁹ так как, по преимуществу, состоят из разно-

убитые двумя мальчуганами. Потом Константинополь, и над ним реет Блерио на своей ‘стрекозе’. Далее – освящение памятника Г. И. Успенскому и, наконец, какое-нибудь официальное торжество: геометрические линии войск, пустые квадраты улиц, площадей и городские, городские, городские... Только во сне возможна такая нелепая, ничем не связанная последовательность фактов, и нужно обладать крепкой волей, незабываемой верой, чтобы утверждать смысл в этой бессмыслице” (Философов Д. В. Сны. (Ремизов) // Старое и новое. Москва 1912, с. 25-26).

¹⁶ Кранихфельд Вл. Литературные отклики. В подполье // Современный мир. 1910. № 11 (Ноябрь), с. 97.

¹⁷ Бурнакин А. Новая специальность // Новое время 1910. 29 октября. № 12440, с. 4.

¹⁸ Измайлов А. Старорусские кружева. (Быль и легенда А. М. Ремизова) // Измайлов А. Пестрые знамена. Москва 1913, с. 91.

¹⁹ Не вызывает сомнения тот факт, что Ремизов регулярно читал “Биржевые ведомости”. По крайней мере, впоследствии он утверждал, будто сам купил вечернюю “Биржевку” со злополучной статьей Мих. Мирова на Финляндском вокзале, возвращаясь из Куоккалы от К. И. Чуковского (Ремизов А. Встречи, с. 21).

образных хроникальных разделов, соположенных с большими рекламными блоками и лишь изредка перемежаемых статьями, рецензиями или рассказами. Здесь и собственно раздел “Хроника”, содержащий анонимные сообщения о городских происшествиях и светской жизни столицы, и периодически появляющиеся разделы “В Москве” и “В провинции”, а также постоянные рубрики “Петербургские осколки” и “Петербург у мирового”, которым как бытописательным “картинкам нравов” придана более-менее художественная форма, хотя и эти сообщения остаются анонимными. Кроме того, в газете есть и разделы, появляющиеся менее регулярно.²⁰

Так как хроникальные сообщения, как правило, восходят к полицейским протоколам, либо публикуются “со слов очевидцев”, – их речь чрезвычайно живописна, зачастую насыщена нелепостями и языковыми

Позднее, примирившись с А. А. Измайловым и с 1912 года начав публиковаться в этой газете, Ремизов, вероятно, бесплатно получал ее на дом, так как в 1910-е годы подобное широко практиковалось им в качестве одного из обязательных условий сотрудничества с тем или иным периодическим изданием.

²⁰ Именно анонимность газетного сообщения заведомо превращает его в благодатный материал для Ремизова. Впрочем, писателя не останавливает даже наличие у заметки автора. Скорее, он воспринимает газету как некий единый текст, подлежащий свободному цитированию материал для своих сочинений, печатный источник наподобие фольклорного, древнерусского или этнографического сборника. (Между прочим, несмотря на то что Ремизов часто рассуждает об устной традиции, для него особенно важна зафиксированность текста на письме. Возможно, поэтому в своих поздних мемуарных книгах он нередко черпает автобиографические эпизоды не из глубин памяти или дневников, а из собственных более ранних художественных произведений. Тем самым истинность события как бы дополнительно подтверждается его давней запечатленностью в слове, и одновременно происходит легитимация вымысла как факта.) Соответственно авторы газетных заметок превращаются в сказочников-мифотворцев, ссылки на которых не обязательны, так как они выступают в роли всего лишь “трансляторов” мифа о современности, его со-творцов, а не творцов. С этой точки зрения сама газета становится таким “коллективным бессознательным” данного общества, точнее, некой мифопорождающей институцией, тем местом, где артикулируются социальные мифы. Методика работы Ремизова с газетным материалом аналогична работе со сказкой или легендой. Дальнейшее движение в этом направлении привело к тому, что в годы революции он создал образцы оригинального жанра “современной легенды”, “главным героем” которой стала “городская сплетня” как представительница живой истории, позволяющая не только уловить “дух времени”, зафиксировать “ускользающую натуру” разнореликих по своему масштабу событий в едином потоке бытия, но и, благодаря множественности точек зрения, к тому же сформировавшихся в разных социальных средах, приблизиться к верному пониманию происходящего.

находками, которые дают богатую пищу ремизовскому словотворчеству. Причем нередко именно там, где рецензенты усматривают авторскую причуду и языковое самоуправство, на самом деле всего лишь дословно процитировано газетное сообщение. Вот пример, непосредственно не относящийся к тексту Ремизова: “Ген[ерал]-м[айор] Левицкий, известный всей России своим “проектом“ искусственной бури для подъема на воздух домов и других сооружений, получил охранительное свидетельство на летательную машину. Как известно, генерал теперь в отставке”.²¹ Или сообщение из Одессы, озаглавленное “Покушение на убийство директора”: “Бывший воспитанник V класса гимназии, сын священника Боголюбов, покушался убить директора гимназии Тарасова. Боголюбов выстрелил в директора, когда тот выходил на улицу. Увидя, что промахнулся, подбежал к нему и хотел нанести удар по голове ломиком, но был схвачен и обезоружен” (БВ 16 февр. № 11568, с. 3). Особенно трогательны здесь уменьшительно-ласкательное “ломик” и фамилия преступника в сочетании с его настойчивостью. И все эти языковые кунштюки помещаются на фоне сообщений из Государственной думы, которая в начале 1910 года с не меньшим пылом, чем в 2001 году, обсуждает реформу русского языка.

А вот более близкая к содержанию повести группа сообщений. Особое место в ней занимает ежедневная информация о самоубийствах, помещаемая не только во всех без исключения хроникальных разделах, но и в специальной рубрике “Самоубийства”. Сама эта тема, пожалуй, одна из ключевых в вечерней “Биржевке”, потому что на рубеже 1900-1910-х годов “эпидемией самоубийств” охвачены буквально все слои общества: гимназисты, курсистки, крестьяне, рабочие, “барышни”, офицеры, купцы и дворяне. В начале февраля 1910 г. на страницах газеты академик В. М. Бехтерев высказывает свое отношение к этой проблеме и предлагает отменить за бессмысленностью как уголовное преследование самоубийц-“неудачников”, так и запрет на христианское погребение преуспевших в этом деле (4 февр. № 11548, с. 3). А З. Н. Гиппиус публикует в “Биржевке” рассказ “Лунные муравьи”, посвященный той же теме.

²¹ Биржевые ведомости (Веч. вып.). 1910. 25 янв. № 11531, с. 3; разд. “Хроника”. Между прочим, Ремизов нередко цитирует именно те фразы, которые выделены в газете полужирным шрифтом. Следует также подчеркнуть, что здесь речь идет в основном о газетных публикациях, относящихся к первой половине 1910 года, т. е. непосредственно ко времени интенсивной работы писателя над повестью. При дальнейшем фронтальном просмотре прессы хронологические рамки, бесспорно, должны быть расширены, так как Ремизов начал коллекционировать вырезки из газет задолго до этого.

В “Крестовых сестрах” самоубийством “непредвиденно”, по словам Ремизова, кончают жизнь вроде бы вполне благополучные муж и жена Ошурковы. Такая немотивированность их поступка, вероятно, “спровоцирована” многочисленными газетными свидетельствами, полученными от неудачно покушавшихся на собственную жизнь, которые объясняли причину суицида “скукой”. Следует принять во внимание и сообщение “Биржевых ведомостей” от 1 января 1908 года (№ 1, с. 3) о двойном самоубийстве, произошедшем в номере знаменитых Егоровских бань в Казачьем переулке.

Еще один случай, который может быть включен в контекст истории с “самоупраждением” губернатора Буркова, бесспорно, имеющей и более конкретный источник: “Исполняющий должность эстляндского губернатора, полк[овник] Коростовец, в приказе по полиции от 23-го февраля 1910 года, за № 1045, изданном по делу об убийстве беглыми арестантами урядника Реканта, не имевшего при себе револьвера при приследовании убийц, объявляя своим подчиненным благодарности и замечания по службе, объявил сам себе выговор” (БВ. 27 февр. № 11588, с. 3). То же можно сказать и по поводу сообщения о выигрыше 200.000 неким Магницким, узнавшим об этом лишь через несколько лет. Знаменательно, что тут же “отыскался прежний владелец билета [вероятно, им был историк Раков из ремизовской повести – И. Д.], доказывающий, что билет был продан Магницкому два года спустя после выигрыша” (БВ 12 янв. № 11509, с. 3).

И наконец, те сообщения, которые непосредственно цитируются в “Крестовых сестрах”. Наиболее раннее из них – дело “старца Федотушки” из Верхотурья, попавшее в газеты, в том числе и в “Биржевые ведомости”, в феврале 1908 года (№ 34, с. 5). Живя в лесу, он оставлял при себе понравившихся богомолков для удовлетворения плотских потребностей, а затем убивал их. Федотушка, получивший в повести фамилию Кабаков, упоминается среди тех, кого посетила на богомолье маракулинская хозяйка Адония Ивойловна. Знаменательно, что Ремизов посылает газетные вырезки с сообщениями о деле “старца Федотушки” своему приятелю Маделунгу,²² так как, вероятно, обоим интересуют модная тогда в столичных литературных кругах тема сектантства, затронутая в тексте.

²² Они вклеены вместе с другими вырезками в письмо от 17 (30). 3. 1908 г.: “Не смущайтесь, что пишу на заклеенной бумаге, пишу на своих вырезках, которые изо дня в день собираю. Думаю, что в таком сообществе слово мое прозвучит роднее и пахнет на Вас милою Русью” (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. Сост., подгот. текста, предисловие. и прим. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen 1976, с. 46).

Вера Николаевна Кликачева рассказывает Анне Степановне Шияновой историю про сестру милосердия, предложившую собственную кожу для пересадки ошпаренному кипятком ребенку. Об этом также сообщается в одном из февральских номеров “Биржевых ведомостей” за 1910 год. Между прочим, как уже отмечали исследователи, появление в повести многочисленных Верочек могло быть связано с именем В. Ф. Комиссаржевской.²³ Дополнительным аргументом в пользу этого утверждения служит то, что в 1910 году февральские и мартовские номера “Биржевых ведомостей” и других газет переполнены всевозможными материалами об актрисе в связи с ее смертью.

Цитатой из “Биржевки” является и случай с губернатором Бурковым, забывшим на извозчике пасхальное яйцо, о чем, по словам Ремизова, “оповестили на третий день все петербургские газеты”. Действительно, 20 апреля 1910 года, т. е. на третий день Пасхи, которая наступила 18-го, в разделе “Хроника” газеты “Биржевые ведомости” (№ 11671, с. 3) было опубликовано следующее: “Полковник гвардии барон Боде, служащий в гофмаршальской части, заявил полиции просьбу о розыске извозчика, на котором в первый день св. Пасхи он забыл яйцо, полученное в Царском Селе”.

В заключение назову источник истории обманутой и обещанной девочки-няньки Верушки. Это довольно обширная заметка “Драма няньки”, помещенная в газете “Биржевые ведомости” 22 февраля 1910 года (№ 11578, с. 3) вне разделов и за подписью “А. Потемкин”. Ремизов почти дословно цитирует ее, изменяя лишь некоторые детали: его Верушка ровесница своего прототипа Екатерины В., однако последняя не является круглой сиротой (именно отец и мачеха, а не случайный пожар, как в повести, спасают ее из притона, после чего, естественно, она остается дома, а не отправляется “в люди”). Писатель добавил также профессию (дворник) брату Кати, рассказ о “чудотворности” Верушки, полностью сочинил дальнейшую судьбу своей героини, но сохранил в неприкосновенности место действия и все, что касается ее совращения и пребывания в гостинице. Этот эпизод повести вполне мог бы послужить основанием для нового и гораздо более аргументированного обвинения Ремизова в плагиате, ведь заметка имела автора. Однако, очевидно, ни сам Измайлов, ни кто-либо из сотрудников “Биржевых ведомостей” более уже не решались вступить с ним в открытую полемику.

²³ См.: Данилевский А. А. *A realioribus ad realia*, с. 112-113.